

Айрис Торн
ВТОРОЙ ШАНС
НА СМЕРТЬ

Кто из них врёт?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Айрис Торн

Второй шанс на смерть

<https://litres.ru/73602981>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мой парень был идиотом. Я переехала к его отцу.

Его отец оказался красавчиком с деньгами, бассейном и взглядом, от которого у меня подкосились колени. Дальше — как в дешёвом романе: кофе, цветы, одна очень неправильная ночь. А потом всё пошло не по сценарию.

Врачи сказали, что я могу умереть, если рожу. Партнёры отца начали разбегаться. Его сын, мой бывший, вдруг стал идеальным. Слишком идеальным.

Я не знала, кто мой враг. Не знала, кому верить. Не знала, что ложь, которая меня спасёт, станет единственным, что держит мою семью.

Это книга о том, как я переспала с отцом своего парня, чуть не умерла, узнала правду и промолчала. Потому что иногда молчание — это единственный способ остаться в живых.

Содержание

Плейлист:	6
Глава первая.	7
Глава вторая.	13
Глава третья.	25
Глава четвертая.	43
Глава пятая.	55
Глава шестая.	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Айрис Торн

Второй шанс на смерть

«Тот, кто говорит, что время лечит, никогда не терял того, кого любил. Время не лечит. Оно просто учит жить с болью».

– из дневников Энн Хейз

Книга содержит сцены и темы, которые могут вызвать эмоциональный дискомфорт у чувствительных читателей. Пожалуйста, ознакомьтесь с этим списком перед прочтением.

Сцены насилия,

Попытка убийства,

Кома, больница,

Беременность с медицинскими осложнениями,

Ложный медицинский диагноз,

Откровенные сексуальные сцены (BDSM-элементы, жёсткий секс),

Психологическая манипуляция, газлайтинг,

Измена,

Алкоголизм,

Упоминание смерти от рака,

Смерть персонажа (убийство),

Отношения с возрастным разрывом (23 года),
Любовный треугольник (отец и сын),
Кровь.

Плейлист:

Placebo – *Running Up That Hill*

The xx – *Intro*

Massive Attack – *Teardrop*

Trent Reznor & Atticus Ross – *Immigrant Song (Cover)*

Muse – *Undisclosed Desires*

Ethel Cain – *Strangers*

Portishead – *Glory Box*

FKA twigs – *Cellophane*

Lana Del Rey – *Ultraviolence*

Sufjan Stevens – *Fourth of July*

Sevdaliza – *Human*

Arctic Monkeys – *Do I Wanna Know?*

London Grammar – *Wasting My Young Years*

The Neighbourhood – *Sweater Weather*

Billie Eilish – *Bury a Friend*

Айрис Торн – *Bad Blood, Bad Love*

Глава первая.

Мой парень решил, что быть бедным – это благородно. Знаете, такое романтическое бедствие из социальных сетей: потрескавшаяся кожаная куртка, подгоревшая яичница на ужин и гордый блеск в глазах, когда он отказывается от «папиных грязных денег». Я в этом эпосе играла роль благодарной зрительницы, пока месяц назад нам не прилетело уведомление о выселении.

Собственник нашей милой конуры в районе Селлвуд, мистер Гарсия, решил, что на старости лет ему нужна яхта, а не стабильный доход от двух идиотов, которые платят за квартиру с задержкой в три дня. Лиам тогда стоял посреди кухни, потирая переносицу, и изрек свою гениальную стратегию:

– Мы переедем к отцу.

Я подавилась кофе.

– То есть? – переспросила я, вытирая капли с футболки.
– Ты хочешь въехать в логово врага, которого ненавидишь больше, чем людей, которые не убирают за собой собачьи какашки?

– Это временно, – отрезал он. – На месяц. Максимум два. Я коплю на первый взнос за свое жилье.

Я закатила глаза так сильно, что чуть не увидела собственный мозг. Если бы мой сарказм был источником энергии, мы бы не только ипотеку закрыли, но и купили бы этот гребанный дом Гарсии вместе с его яхтой. Лиам «копил» уже три года. Деньги уходили на «срочный ремонт» его вечно ломающегося универсала Subaru, новые подошвы для скейта и терапию, которая должна была помочь ему «принять» своего отца. Терапия пока не помогала, а вот моя кредитка – очень даже.

Но выбора у нас не было. В Портленде цены на аренду взлетели до космических высот, а работа в издательстве «Касл-Рок Пресс» платила мне ровно столько, чтобы я могла позволить себе крафтовый латте раз в два дня и оплату кредита за обучение. Чтение рукописей очередных графоманов, которые думают, что они новые Стивены Кинги, – занятие, мягко говоря, не для тех, кто хочет купить особняк с видом на горы.

Так я и оказалась в этой чертовой пробке на шоссе 5, сжимая в руке стакан остывшего американо и слушая, как Лиам в сотый раз повторяет свои правила.

– Никаких разговоров о бизнесе, – чеканил он, нервно барабанил пальцами по рулю. – Не спрашивай его о клубях, не восхищайся домом, не смотри на него как... ну, ты поняла.

– Как на человека, у которого есть деньги? – уточнила я. – Прости, я постараюсь сдерживать свою природную тягу к финансовой стабильности.

Лиам бросил на меня короткий, напряженный взгляд.

– Энн, я серьезно. Он... манипулятор. Он умеет нравиться людям. Это спектакль. Он купил нас, когда предложил крышу над головой. Мы там не задержимся.

Я промолчала. Мне было искренне жаль Лиама. В его версии реальности отец был монстром, который забил на семью после смерти матери, ушел в спорт и бизнес с головой, превратив дом в холодный склеп. Но сейчас, когда мы сворачивали с шоссе в район Данторп, где дома напоминали скорее частные архитектурные бюро, а не жилье, я начинала чувствовать себя Золушкой, которую везут на знакомство с принцем, только вот принц, судя по настроению водителя, был Дракулой.

Дом Кастлов встретил нас запахом сырой хвои и тишиной. Это было строение из темного дерева и стекла, утопающее в тумане. Двухуровневая конструкция, огромные панорамные окна, через которые видно бассейн под открытым небом, подсвеченный изумрудной лампой. Seriously? У мужика бассейн в ноябре в Орегоне.

Я вытащила свой чемодан из багажника, стараясь не смотреть на «Мерседес» последней модели, припаркованный в глубине гаража. Лиам вздохнул так, будто его ведут на Голгофу, и нажал на кнопку звонка.

Дверь открылась почти сразу.

Александр Кастл был выше, чем я ожидала. И шире. На

нем была простая серая футболка с длинным рукавом, которая обтягивала плечи так, что мне стало стыдно за свое полное отсутствие мышечной массы. Он выглядел как человек, который только что вернулся с тренировки: собранный, пахнущий дорогим гелем для душа и здоровой мужской энергией. Волосы темные, с благородной сединой на висках, глаза – ледяная синева, которая, казалось, сканировала тебя с ног до головы за долю секунды.

– Лиам, – его голос был низким, спокойным, без тени смущения за эту ситуацию. – Рад, что вы приехали.

Они не обнялись. Даже не пожали руки. Просто молчаливый кивок, от которого у меня свело скулы от напряжения. Затем его взгляд переместился на меня.

– А это, должно быть, Энн.

Он не спрашивал, он утверждал. И, черт возьми, когда он смотрел так – спокойно, с легким любопытством, – я вдруг остро осознала, что на мне драные джинсы, кроссовки, заляпанная грязью, и старый свитер, который я стащила у Лиамы.

– Та самая, – ответила я, выдавив из себя улыбку. – Спасибо, что приютили беженцев. Обещаем не шуметь и не кормить диких енотов на вашей лужайке.

В уголке его губ дрогнуло что-то неуловимое. Полуулыбка? Или мне показалось?

– Енотов у нас нет, – ровно ответил он, отступая вглубь дома. – Заходите. Комнаты на втором этаже. Ужин через час.

Лиам прошел внутрь, не оглядываясь, плюхнул сумки в холле и направился к лестнице, будто хотел поскорее спрятаться в своей норе. Я осталась на секунду одна в этой гостиной с высоченными потолками, камином, в котором весело потрескивал огонь, и запахом дорогого дерева.

Я смотрела на спину Александра Кастла, который шел к кухне, и думала о том, что Лиам совершенно не предупредил меня о главном.

Он сказал, что его отец – манипулятор.

Он сказал, что его отец – эгоист.

Но он забыл сказать, что его отец – чертовски красивая сволочь, от одного голоса которой у меня внутри что-то неприлично ёкнуло.

«Соберись, Энн, – мысленно приказала я себе, закатывая глаза уже в который раз за сегодня. – Это просто мужик в футболке. У которого есть бассейн, дом мечты и полный контроль над твоей крышей над головой. Ничего романтического. Всё строго по плану: месяц-два, копим деньги, не смотрим на отца парня. Легко».

Поднимаясь по лестнице, я услышала, как он гремит посудой на кухне. Звук был такой... домашний. И это диссоциировало с его образом стального магната.

Я постучала в комнату, которую выбрал Лиам. Он стоял у окна, сжав челюсть, и смотрел на бассейн.

– Ну, – сказала я, закрывая дверь. – Пока не так страшно. Он хотя бы не приказал нам спать в собачей конуре.

– Пока, – буркнул Лиам.

– Эй, – я подошла и обняла его со спины. – Мы справимся. Это временно, помнишь? Твои слова.

Он накрыл мои руки своими, но я чувствовала, как он напряжен.

– Просто держись от него подальше, – тихо сказал он. – Он не такой, каким кажется.

Я поцеловала его между лопаток.

– Конечно, милый. Я буду держаться.

Я соврала. Не специально. Просто в тот момент я сама не знала, что ложь уже поселилась где-то в районе солнечного сплетения, согретая огнем из камина, на который я смотрела, когда он провожал нас взглядом.

Глава вторая.

Две недели. Четырнадцать дней. Триста тридцать шесть часов моего терпения, которое истончается быстрее, чем дешевая туалетная бумага в общественном туалете.

Знаете, что я узнала за это время? Что человек может спать рядом с тобой каждую ночь, но быть при этом совершенно неуловимым. Как призрак. Как обещание «я коплю на первый взнос».

Лиам Кастрл, мой романтичный бунтарь с горящими глазами и гитарой в прошлом, оказался мастером великого побега. Только убежал он не от системы, не от папиных денег и не от проклятого капитализма. Он убежал от скуки. И от себя.

Каждую ночь, где-то после девяти, он надевал ту самую потрескавшуюся кожаную куртку, целовал меня в макушку и говорил:

– Я ненадолго. Встречаюсь с ребятами.

«Ненадолго» превращалось в три утра. В пять утра. В «мы засиделись с парнями, прости, что не написал, забыл зарядить телефон».

Сначала я оправдывала его. Ну, правда. Переезд к отцу, которого он ненавидит, – это стресс. Ему нужно выпустить пар. Пусть встречается с друзьями, пусть пьет дешевое пи-

во в баре на Готорн-бульваре, пусть делает вид, что ему двадцать два и жизнь – это вечная тусовка.

Но потом я заглянула в нашу общую банковскую карту.

– Лиам, – спросила я вчера утром, когда он выползал на кухню с опухшим лицом и запахом перегара, напоминающим о том, что дешевый виски – это вообще-то не его друг. – А где деньги с доставок?

– Какие деньги? – он потер глаза. – Энн, не начинай с утра.

– Я не начинаю. Я интересуюсь. На этой неделе ты работал три дня. Остальные четыре – ты где-то пропал. Твоя доля за мою кредитку по страховке так и не пришла.

Он поморщился, как от зубной боли.

– Я тебе верну. Просто сейчас... ребята предложили подработку. Быстрее. Легче.

– Какую подработку? – я уже знала ответ. Чувствовала его в том, как он отводит глаза, как мнет край своей футболки.

– Покер. Нелегальный, но надежный. Ну, знаешь, квартирники. Я неплохо играю, Энн. Я выиграл вчера три сотни.

Я закрыла глаза.

– Ты играешь на деньги. В подпольных казино. Пока я читаю рукописи душевнобольных пенсионеров, которые пишут фанфики про вампиров, ты просаживаешь наш бюджет за зеленым сукном.

– Я *выигрываю*, – поправил он меня с обидой в голосе. –

Энн, ты не веришь в меня?

– Я верила в парня, который дарил мне цветы, – сказала я тихо. – Потому что это было мило и безумно. А теперь ты просто... пропадаешь.

Он не нашел, что ответить. Просто взял ключи от машины и ушел. Я смотрела в окно на его Subaru, который выезжал из ворот, и думала о том, что он дарил мне цветы из клумб последний раз два года назад. Гитара пылится в углу. А вместо серенад теперь – смс в три ночи: «я скоро».

Александр, кажется, все видел.

Он не вмешивался. Не комментировал. Но я замечала, как меняется его лицо, когда Лиам под утро вваливается в дом, громко топает по лестнице и что-то бормочет себе под нос. Как сжимается его челюсть, когда сын за обедом перебивает его, закатывает глаза и говорит что-то вроде: «Папа, оставь свои лекции для своих фитнес-крыс».

Ни слова упрека. Ни жеста. Только холодная, тяжелая тишина, которая давила сильнее, чем любой крик.

Сегодня эта тишина лопнула.

Я вернулась с работы раньше обычного. В издательстве была авральная неделя – какой-то графоман прислал рукопись объемом с «Войну и мир», и вся моя жизнь превратилась в бесконечное чтение про эльфов с ментальными травмами. Голова гудела. Я мечтала только об одном: душ, пижамы и сериал, в котором никто не страдает.

Но вместо этого я застала сцену, от которой мне захоте-

лось провалиться сквозь идеальный паркетный пол.

Лиам стоял в гостиной. Пьяный? Нет, скорее, на взводе. Глаза блестят, руки трясутся. В одной руке – телефон, в другой – початая бутылка какого-то крафтового пива из холодильника Александра, которое стоит как мой недельный бюджет на еду.

А напротив него, в кресле у камина, сидел Александр. Спокойный. Сложив руки в замок. Только пальцы на правой руке слегка постукивали по подлокотнику.

– Ты серьезно? – голос Лиама звучал на октаву выше обычного. – Ты решил меня учить жизни? Сейчас? После того как ты нас приютил как бездомных щенков?

– Я не учу, – голос Александра был низким, ровным. Опасным в своей монотонности. – Я констатирую факт.

– Какой факт? Что я неудачник?

– Что ты ведешь себя как ребенок, который играет во взрослую жизнь.

Лиам засмеялся, но смех вышел нервным, надломленным.

– О, это богато. От человека, который построил империю на том, что выжимает людей в тренажерках. Ты хоть знаешь, сколько твои тренеры получают?

– Это неважно, – Александр даже не пошевелился. – Сейчас речь не обо мне.

– А о ком? О ней? – Лиам резко обернулся и увидел меня. На секунду в его глазах мелькнуло что-то вроде стыда. Но

стыд быстро сменился злостью. – Энн, иди наверх. Это не твое дело.

– Это мое дело, когда ты оскорбляешь меня в моем же доме, – тихо сказал Александр, поднимаясь.

О, боже. Он встал. И сразу стало понятно, кто здесь главный. Не потому, что он выше (хотя и выше), а потому, что от него исходила такая волна спокойной, непробиваемой силы, что у меня колени стали ватными. Лиам инстинктивно сделал шаг назад.

– Посмотри на нее, – Александр кивнул в мою сторону. Я стояла в дверях с сумкой, в которой лежала очередная рукопись, в старом свитере с катышками и джинсах, которые я зашивала уже трижды. – Твоя девушка носит лохмотья, Лиам.

– Что? – выдохнул Лиам.

– Она работает в каком-то полуподвальном издательстве за гроши. Она читает чужие тексты по четырнадцать часов, чтобы оплатить твои походы в бары и, кажется, теперь еще и твои карточные долги. Ты вообще знаешь, сколько она тратит на продукты? На бензин? На то, чтобы мы с тобой не перегрызлись за ужином?

– Не смей читать мне нотации! – Лиам сжал кулаки. – Ты не имеешь права!

– Я имею право, потому что это мой дом, моя еда и мое молчание, которое ты принимаешь за слабость, – голос Александра стал жестче, но не повысился ни на децибел. –

Ты не можешь обеспечить даже ту женщину, которую привел в этот дом. Не можешь снять квартиру. Не можешь купить ей нормальное пальто, чтобы она не мерзла по дороге на работу. Ты вообще можешь что-то, кроме как прожигать папины нервы и тратить чужие деньги?

– Я сам зарабатываю!

– Развозя еду? Играя в покер? – Александр усмехнулся. Это была не злая усмешка. Она была... усталой. Разочарованной. – Лиам, ты – щенок, который лает на каждого, кто пытается ему помочь. Но ты даже не понимаешь, что твоя гордость ничего не стоит. Она не греет, не кормит и не даст крыши над головой. А твоя девушка – она заслуживает большего, чем быть кошельком для неблагодарного... – он сделал паузу, подбирая слово, – ...ребенка.

Тишина стала осязаемой. Как нож.

Лиам смотрел на отца. В его глазах плескалась такая смесь ненависти и унижения, что мне захотелось подойти и закрыть его собой. Но ноги не слушались.

– Ты... – Лиам выдохнул. – Ты не смеешь говорить о ней. Не смей вообще на нее смотреть.

– Я смотрю на правду, – ответил Александр. – И тебе она не нравится.

Лиам резко развернулся, схватил куртку и вылетел за дверь, громко хлопнув ею так, что дрогнули стеклянные панели. Его Subaru завелся с пол-оборота и с визгом вылетел со двора.

Я осталась стоять в дверях, чувствуя себя так, будто меня только что переехало поездом.

Александр перевел взгляд на меня. В его глазах не было торжества. Только усталость и что-то еще, что я не смогла распознать.

– Прости, – сказал он. – Не стоило тебе это видеть.

Я хотела ответить что-то саркастичное. Что-то вроде «о, ничего, я просто наблюдала за тем, как моего парня уничтожают в риторическом бою, обычный четверг». Но слова застряли в горле.

– Я... пойду, – выдавила я и поднялась наверх, чувствуя его взгляд спиной.

Ночь наступила слишком быстро.

Я сидела на веранде, завернувшись в плед, и смотрела на бассейн. Подсветка работала, вода переливалась изумрудным, и это было красиво. До тошноты красиво.

Лиам не вернулся. Четыре часа. Пять. Я написала ему десять сообщений. Прочитано – ноль.

Я сжимала телефон в руке и думала о том, как мы сидели с ним в моей старой квартире, на полу, среди коробок с книгами, и он пел под гитару что-то из Nirvana, а потом сорвал цветок с подоконника (моя герань) и сунул мне в волосы. И я смеялась, потому что это было глупо и нелепо, и потому что я любила его. Любила этого дурака с разбитой гитарой

и горящими глазами.

А сейчас? Где этот парень? Кто этот человек, который убеждает от меня каждый вечер, который играет в подпольный покер, который даже не может посмотреть мне в глаза, когда я спрашиваю, всё ли у нас в порядке?

Я любила его. Я все еще любила. И от этого было только больнее.

Слезы пришли неожиданно. Я даже не поняла, когда именно щеки стали мокрыми. Просто сидела, уткнувшись в колени, и тряслась от холода и от того, что внутри образовалась такая пустота, какой я не чувствовала никогда.

Брошенная. Ненужная.

– Эмм?

Я вздрогнула и подняла голову.

Александр стоял в проеме стеклянной двери. На нем была простая черная футболка и домашние штаны. В руках – две кружки, от которых поднимался пар.

– Я видел, ты сидишь здесь, – сказал он тихо. – Уже час. Ничего, если составлю компанию?

Я быстро вытерла лицо рукавом, но он уже все видел. Бежать было поздно.

– Валяйте, – мой голос сел, прозвучал хрипло. – Кофе, надеюсь, не растворимый?

Он усмехнулся – первый раз за две недели я видела что-то похожее на улыбку на его лице.

– Эспрессо. С корицей. Лиам говорил, ты так любишь.

Я взяла кружку. Руки дрожали. Он сделал вид, что не заметил, и сел в соседнее кресло, оставив между нами приличное расстояние.

– Спасибо, – сказала я, делая глоток. Кофе был идеальным. Конечно, идеальным. Откуда у этого человека вообще есть время учиться готовить идеальный кофе?

– Не за что.

Мы молчали несколько минут. Смотрели на бассейн. На деревья, которые шумели за забором. На туман, который поднимался от земли.

– Он был другим, – вдруг сказала я. – Лиам. Раньше.

– Я знаю, – ответил Александр после паузы.

– Вы... вы не слишком жестко с ним сегодня?

Он повернул голову, и в свете бассейна я увидела его лицо. Не маску бизнесмена, не холодного отца. Просто уставшего мужчину.

– Слишком жестко? – переспросил он. – Может быть. Но кто-то должен был сказать ему это. Ты не говоришь. Ты терпишь.

– Я люблю его, – ответила я, и в голосе прозвучала защита.

– Любовь не должна быть терпением, Энн, – тихо сказал он. – Она не должна превращать тебя в тень.

Я замолчала. Потому что он попал в точку, а я не была готова это признавать.

– Его мать... – я сменила тему, сама не зная зачем. – Лиам говорит, что вы... что после ее смерти вы стали другим.

Александр долго молчал. Так долго, что я уже пожалела, что спросила.

– Лиам был ребенком, – наконец сказал он. – А дети видят только верхушку айсберга. Они не знают, что происходит под водой. – Он сделал глоток кофе. – Я не был идеальным отцом. Но я не был и тем монстром, которого он себе нарисовал.

– Вы могли бы сказать ему это.

– Я пытался, – его голос стал жестче. – Но когда человеку нужно ненавидеть кого-то, чтобы оправдать свою слабость, он найдет причину. Любую.

Я не нашлась, что ответить.

– А ты? – спросил он, и в его голосе появилось что-то... мягкое. – Откуда ты взялась, Энн Хейз с саркастичным взглядом на мир?

Я усмехнулась, но усмешка вышла горькой.

– Стандартная история. Мать-одиночка, работала на двух работах. Умерла, когда я училась в колледже. Осталась квартира, куча долгов и привычка выживать.

– Прости, – сказал он, и это было искренне.

– Не надо. Я справилась, – я пожала плечами. – Научилась смеяться над всем. Даже над тем, что не смешно. Особенно над тем, что не смешно.

– Это защита, – заметил он.

– А вы психолог?

– Я тот, кто тоже научился смеяться, чтобы не сойти с ума.

Я посмотрела на него. В полумраке веранды, с кружкой кофе в руке, он казался не холодным бизнесменом, а просто человеком. Который тоже терял. Который тоже одинок.

– Знаете, – сказала я, чувствуя, как от кофе и тишины меня отпускает напряжение. – Я думала, вы будете невыносимым. Ну, знаете, богатый папаша с фитнес-клубами, который смотрит на всех свысока.

– А я думал, ты будешь такой же, как все подружки Лиама, – парировал он. – Которые видели только дом и счет в банке.

– Я видела дом, – призналась я. – И счет в банке. Но знаете, что я заметила в первую очередь?

– Что?

– Что вы храните на полке в кабинете книгу Ремарка. И что в бассейне плаваете по утрам, когда все еще спят. Это... не похоже на человека, который живет только деньгами.

Он удивленно поднял бровь.

– Ты внимательная.

– Это моя работа, – я улыбнулась. – Замечать детали.

Мы сидели так еще долго. Говорили о книгах (оказалось, он читает Достоевского в оригинале), о музыке (ненавидит джаз, любит классический рок), о том, как он строил свой первый клуб с нуля, когда ему было двадцать пять, и как про-

горел трижды, прежде чем все получилось.

Я не заметила, как перестала дрожать. Как перестала думать о Лиаме. Как смеялась над его историей про то, как он упал с беговой дорожки на презентации перед инвесторами.

А он смотрел на меня, и в его взгляде было что-то, отчего у меня внутри снова ёкнуло. Только теперь я не могла списать это на холод или усталость.

– Тебе пора спать, – сказал он, когда часы на телефоне показали половину третьего.

– Да, наверное, – я потянулась, и плед сполз с плеча. Он быстро отвел взгляд.

Мы встали одновременно. Я хотела сказать что-то вроде «спасибо за компанию», но вместо этого вырвалось:

– Вы сегодня были правы.

– Насчет чего?

Я посмотрела ему в глаза. В свете луны они казались не ледяными, а серебряными.

– Насчет того, что любовь не должна превращать меня в тень.

Он ничего не ответил. Только кивнул, взял мою пустую кружку и ушел в дом.

Я стояла на веранде, чувствуя, как в груди разрастается что-то новое. Опасное. Неправильное. И я знала, что должна остановиться, пока не поздно.

Но я не остановилась.

Глава третья.

Знаете, что хуже, чем наблюдать, как твой парень скатывается в пропасть? Наблюдать, как он изображает, что выбирается оттуда.

После того вечера, когда Александр разобрал его по косточкам перед камином, Лиам словно переключил тумблер. Исчезли ночные гулянки, исчез запах перегара по утрам, исчезли бесконечные «я скоро». Вместо этого он стал вставать с первыми петухами, надевать свою курьерскую форму и уезжать на доставках с утра до вечера.

– Я решил, что ты права, – сказал он мне тогда, через два дня после скандала. Сидел на краю кровати, завязывал шнурки, и его лицо было таким серьезным, что я почти поверила. – Хватит быть ребенком. Я обеспечу нас.

Я поверила. Потому что очень хотела верить. Потому что смотреть на человека, которого любишь, и думать «он лжет» – это слишком тяжело даже для моего циничного сердца.

Он начал присылать деньги. Сначала небольшие суммы – по пятьдесят, по сто долларов. Потом двести. Потом триста. Каждый раз с пометкой «на кредитку» или «на продукты». Я смотрела на уведомления в банковском приложении и чувствовала, как внутри разворачивается что-то теплое и хрупкое, как первый подснежник в оттепель.

– Лиам, ты правда стараешься, – сказала я однажды вечером, когда он рухнул на кровать после двенадцатичасовой смены, и его лицо было серым от усталости.

– А ты думала, я не могу? – он улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз. – Я просто не хотел. А теперь захотел.

Я не стала копать глубже. Не спросила, почему он захотел именно сейчас. Не спросила, что изменилось. Просто обняла его, чувствуя, как пахнет его куртка дождем и дешевым бензином, и убедила себя, что всё налаживается.

Но знаете, какая штука с убеждениями? Они работают ровно до тех пор, пока реальность не бьет вас по лицу.

А реальность была простой: Лиам старался не ради меня. Он старался ради того, чтобы доказать отцу, что он чего-то стоит. Каждый раз, когда он переводил деньги на мою карту, я видела этот взгляд – быстрый, колючий, брошенный в сторону Александра, если тот случайно оказывался рядом. «Видишь? Я могу. Я не нуждаюсь в тебе. Я сам».

И это было... неправильно. Как будто я стала не девушкой, которую любят, а трофеем в их необъявленной войне. Фигуркой на шахматной доске, которую передвигают, чтобы сделать ход против короля.

Но я молчала. Потому что он хотя бы *пытался*. Потому что деньги на кредитке росли. Потому что по вечерам мы смотрели сериалы, и он держал меня за руку, и это было почти как раньше.

Почти.

Выходные – вот где таилась подлянка.

Лиам объявил в пятницу утром, поправляя воротник куртки перед зеркалом:

– Сегодня вечером встречаюсь с ребятами. Давно не виделись. Ты же не против?

Я сидела на кровати с ноутбуком, читала очередную рукопись (на этот раз детектив, где убийцей оказался попугай, и, боже, я была близка к тому, чтобы поверить в это), и кивнула, не поднимая головы.

– Конечно, иди. Отдохни.

– Ты лучшая, – он чмокнул меня в макушку и вылетел за дверь.

Я осталась с ноутбуком, рукописью и внезапной мыслью, которая пришла без спроса, как всегда: *А почему он не зовет меня с собой?*

Раньше звал. Раньше мы были командой. А теперь? «Ребята» – это кто? Те, с кем он играл в подпольный покер? Те, кто поил его дешевым виски до трех ночи? Или...

Мысль была мерзкой, но я не могла ее прогнать.

Или там есть кто-то еще.

Я захлопнула ноутбук, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Нет. Лиам не такой. Он просто... отдыхает. Ему нужно выпустить пар. Он много работает. Он заслужил.

Но внутри, где-то глубоко, где прячется самый честный и

самый циничный голос, звучало: *Ты уже который выходной сидишь одна. Ты уже который вечер смотришь на дверь и ждешь, когда он вернется. И он не возвращается.*

Я спустилась вниз, чтобы сбежать от этих мыслей. Дом был пуст – Александр уехал по делам, вернется, наверное, поздно. Идеально. Я могу посидеть в тишине, почитать что-нибудь, что не связано с графоманами и их попугаями-убийцами.

В гостиной я замерла, глядя на полки в кабинете Александра. Дверь была приоткрыта. Я знала, что соваться туда без спроса – это нарушение границ. Но книга на видном месте, на самом краю полки, смотрела на меня так настойчиво, будто звала.

Я вошла. Кабинет пах кожей и деревом. На столе – идеальный порядок. Ноутбук, стильная настольная лампа, рамка с фотографией. Я не стала рассматривать фото – побоялась увидеть там Лиаму маленьким или женщину, которая была его женой. Это было бы слишком личным.

Я взяла книгу. «Три товарища» Ремарка. Старое издание, с пожелтевшими страницами и закладкой на середине. Устроилась в гостиной, на огромном диване, закуталась в плед и открыла книгу.

Ремарк – это всегда про боль. Про любовь, которая обречена. Про людей, которые пытаются жить, хотя мир рушится вокруг. Я читала про Патрицию и Роберта, и мысли о Лиаме постепенно уходили на второй план, уступая место строкам,

которые резали по живому:

«Ничто не проходит бесследно, и ничто не учит нас предвидеть будущее».

Я настолько ушла в текст, что не услышала шагов. Не услышала, как открылась входная дверь. Не услышала, как кто-то вошел в гостиную.

– Ремарк? – голос Александра заставил меня вздрогнуть так сильно, что книга чуть не вылетела из рук.

Я подняла голову. Он стоял в дверях, сняв пиджак, оставшись в белой рубашке с закатанными рукавами. Усталый, но, как всегда, собранный. Волосы чуть влажные – видимо, только что из душа.

– Я... – я покраснела, чувствуя себя нашкодившим подростком. – Простите, я зашла в ваш кабинет, книга стояла на видном месте, я подумала...

– Не извиняйся, – он прошел в комнату, и воздух будто сгустился. – Книжки для того и существуют, чтобы их читали. А не стояли пылились на полках.

– Она ваша? – я показала на обложку.

– Моя, – он сел в кресло напротив, и я с удивлением заметила, что он не спешит уходить. – Любимая. Читал раз десять.

– Я тоже люблю Ремарка, – сказала я, чувствуя, как напряжение в плечах понемногу отпускает. – За то, что он не притворяется, что жизнь – это сказка. Он пишет правду. Даже когда она болит.

– А ты любишь правду? – спросил он, и в его голосе слышалось что-то... испытующее.

– Зависит от того, кому она выгодна, – ответила я с усмешкой. – Обычно правда выгодна тому, кто ее говорит. А тому, кто слышит, приходится несладко.

Он усмехнулся. Эта усмешка – легкая, почти незаметная – начала мне нравиться. Она делала его живым.

– Мудро, – сказал он. – Для девушки, которая читает книжки, украденные из чужих кабинетов.

– Я предпочитаю термин «временно позаимствовала», – парировала я.

– Конечно, – он покачал головой, и в глазах мелькнуло что-то теплое. – А где Лиам?

Вопрос упал в тишину, и тепло мгновенно испарилось. Я отвела взгляд.

– Ушел с друзьями. Сказал, отдохнет.

– В пятницу вечером, – констатировал Александр. Не вопрос. Утверждение.

– Да, – я пожала плечами, делая вид, что меня это не задевает. – Он много работает, ему нужно...

– Оставлять тебя одну? – закончил за меня Александр, и в его голосе появились металлические нотки. – Каждые выходные?

Я промолчала. Потому что нечего было сказать. Потому что это была правда, а я только что сказала, что правда болит.

– Эмм, – он подался вперед, положив локти на колени. –

Я не лезу в ваши отношения. Но смотреть, как ты сидишь здесь одна, с книжкой, в то время как он... – он замолчал, подбирая слова.

– В то время как он что? – спросила я, чувствуя, как внутри закипает раздражение. Не на него. На ситуацию. На себя.
– В то время как он, возможно, изменяет мне в каком-нибудь बारे? Вы это хотели сказать?

Александр не отступил. Не отвел взгляд.

– Я хочу сказать, что ты заслуживаешь большего, чем сидеть и гадать.

Я открыла рот, чтобы выдать что-то саркастичное, защитное, колючее – как всегда. Но вместо этого выдохнула, чувствуя, как слезы снова подступают к горлу.

– Я не знаю, что мне делать, – сказала я тихо. – Я люблю его. Я правда люблю. Но я не узнаю того человека, с которым мы переехали сюда. И я не знаю... не знаю, куда делся тот, кто клялся, что всегда будет рядом.

Тишина. Та самая, которая бывает, когда слова слишком тяжелые, чтобы их перебивать.

Александр смотрел на меня. Долго. Пристально. А потом он сделал то, чего я никак не ожидала.

– Собирайся, – сказал он, вставая с кресла.

– Что? – я моргнула, не понимая.

– Собирайся, Энн, – повторил он. – Я не позволю, чтобы молодая девушка тухла дома в пятницу вечером, пока ее па-

рень развлекается неизвестно где и с кем.

Я уставилась на него, пытаюсь понять, шутит он или нет.

– Куда собираться?

Он фыркнул. Саркастично, театрально, как будто я спросила что-то совершенно идиотское.

– Мы едем в ресторан. С тремя звездами Мишлен. Если быть точным.

Я закатила глаза. На автомате. Потому что это было настолько абсурдно, что другой реакции мой мозг не выдал.

– Вы серьезно?

– Я всегда серьезен, когда речь идет о хорошей еде, – он скрестил руки на груди. – Иди. Надень что-нибудь... – он сделал паузу, окинув меня взглядом, от которого мне стало одновременно неловко и приятно, – ...лучшее. То, что пылится в шкафу в ожидании особого случая.

– У меня нет...

– Эмм, – перебил он, и его голос стал мягче. – Иди.

Я встала с дивана, все еще не веря, что это происходит. Книга Ремарка осталась лежать на пледе. Александр поднял ее, перелистнул страницу, на которой я остановилась, и сказал, не глядя на меня:

– Через сорок минут. Не опаздывай.

Я поднялась к себе, закрыла дверь и прислонилась к ней лбом, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Это просто ужин, – сказала я себе. – Просто ужин с отцом моего парня, который пожалел одинокую девушку. Ничего такого.

Но когда я открыла шкаф и достала черное платье, которое купила год назад на распродаже и ни разу не надела, потому что «не было повода», я поймала себя на том, что выбираю туфли тщательнее, чем выбирала когда-либо.

И это было первым звоночком, который я проигнорировала.

Через сорок минут я спустилась вниз.

Платье сидело идеально – облегающее, но не вульгарное, с открытыми плечами. Волосы я распустила, накрасилась чуть ярче обычного. В зеркале в прихожей я выглядела... другой. Не Энн в дырявых джинсах и свитере с катышками. Кем-то, кто может сидеть в ресторане с тремя звездами и не чувствовать себя самозванкой.

Александр ждал внизу. На нем был темно-синий пиджак, светлая рубашка без галстука, верхние пуговицы расстегнуты. Когда он увидел меня, его взгляд задержался ровно на секунду дольше, чем нужно.

– Выглядишь... – он замолчал, подбирая слово, и я заметила, как дрогнули его пальцы, когда он поправлял запонку. – Уместно.

Я фыркнула.

– Уместно? Это лучшее, что вы можете сказать?

– Я не хочу, чтобы у тебя закружилась голова от комплиментов, – ответил он, но уголки его губ дрогнули. – Пойдем. Машина ждет.

Машина – это был черный Mercedes S-Class, который пах кожей и дорогим парфюмом. Я села на пассажирское сиденье и почувствовала себя героиней фильма, где у богатого мужчины, который везет тебя в ресторан, нет никаких скрытых мотивов.

Спойлер: в таких фильмах скрытые мотивы есть всегда.

Он вел уверенно, одной рукой, второй переключая передачи. Я смотрела на его профиль, освещенный огнями приборной панели, и думала о том, как несправедлива жизнь. Ну почему этот мужчина – с идеальной линией челюсти, широкими плечами и голосом, от которого у меня внутри все переворачивается – почему именно он *отец Лиамы*?

– О чем задумалась? – спросил он, не глядя на меня.

– О том, что в вашей машине пахнет лучше, чем во всей моей жизни, – ответила я честно.

Он усмехнулся.

– Это запах кожи и отсутствия финансовых проблем.

– Звучит как название парфюма для мужчин среднего возраста, – парировала я.

– Я запомню, – он бросил на меня быстрый взгляд.

Ресторан оказался тем местом, где подают еду размером с мизинец, а счет – размером с мою месячную зарплату. Нас провели в отдельный кабинет – не потому что мы особые гости, предположила я, а потому что Александр Кастрл, видимо, везде такой.

Мы сидели за маленьким столиком, слишком близко друг к другу. Я чувствовала запах его парфюма – дерево, табак, что-то едва уловимо сладкое. Меня это сводило с ума.

– Ты нервничаешь, – заметил он, когда официант принес меню.

– Я не нервничаю, – соврала я. – Я просто боюсь открыть меню и увидеть цены. У меня сердечный приступ случится прямо за столиком, вам будет неудобно.

– Не волнуйся о счете, – сказал он спокойно. – Выбирай то, что хочешь.

– Это звучит как «я куплю тебя, детка», – ляпнула я, и только после этого поняла, какую черную кошку выпустила.

Он поднял бровь. На секунду повисла пауза, в которой я готова была провалиться сквозь землю.

– Я просто... – начала я.

– Я знаю, что ты хотела сказать, – перебил он, и в его голосе появилось что-то новое. Что-то, что заставило мой пульс подскочить до ста сорока. – И нет, я не пытаюсь тебя купить. Я просто... хочу, чтобы ты провела вечер не думая о том, сколько это стоит.

– Почему? – спросила я, глядя ему прямо в глаза.

Он не отвел взгляд.

– Потому что ты заслуживаешь красивых вечеров, Энн. И не потому, что ты с кем-то встречаешься или кому-то принадлежишь. А просто потому, что ты – это ты.

Я открыла рот, но не нашла, что сказать. Мой сарказм, моя броня, мои колючки – всё растворилось в этом взгляде.

– Вино? – спросил официант, возникший рядом, как черт из табакерки.

– Да, – сказал Александр, не глядя на него. – Бургундское. Красное. И пусть принесут дегустационный сет.

Когда вино принесли, я сделала глоток и почувствовала, как напряжение уходит. Не потому что алкоголь ударил в голову – нет, я не была из тех, кто пьянеет с бокала. Просто... рядом с ним я могла быть собой. Не девушкой Лиама, не бедной родственницей в чужом доме. Просто Энн.

– Ты читала Ремарка? – спросил он, когда мы ждали первую подачу.

– Конечно, – я отставила бокал. – «Три товарища» – это база. Но больше всего я люблю «Жизнь взаимы».

– Почему?

– Потому что она про человека, который боится жить по-настоящему, – сказала я, чувствуя, как слова льются сами собой. – И про женщину, которая учит его, что лучше сгореть, чем угаснуть.

Он смотрел на меня с каким-то новым выражением. Не оценивающим, не холодным. Заинтересованным.

– А ты боишься жить? – спросил он тихо.

Я хотела соврать. Хотела отшутиться. Но вино и атмосфера сделали свое дело.

– Я боюсь, – призналась я. – Боюсь, что мое «сейчас» – это и есть вся моя жизнь. Что я буду сидеть в чужом доме, читать чужие книги, ждать человека, который меня не видит, и ничего не изменится.

– Это зависит не от него, – сказал Александр. – Это зависит от тебя.

– Знаю, – я усмехнулась. – Но знаете, что самое смешное? Когда я с вами, мне кажется, что я могу больше. Что я могу выбирать. А когда я одна... я просто жду.

Тишина. Между нами пробежала искра, и я знала, что он ее тоже почувствовал.

– Эмм, – начал он, и в его голосе появилась хрипотца, которой не было раньше.

– Да? – мой голос сел.

– Ты опасная женщина, – сказал он, и это прозвучало как признание.

– Я? – я изобразила удивление, хотя сердце колотилось так, что, наверное, было слышно за соседним столиком.

– Ты заставляешь меня забывать о том, кто я, – сказал он, и его рука, лежавшая на столе, чуть сдвинулась в мою сторону. Не коснулась. Просто... оказалась ближе.

Я смотрела на его пальцы – сильные, ухоженные, с идеальными ногтями. Пальцы, которые держат миллионы, но сейчас просто лежат на белой скатерти, в паре сантиметров от моих.

– А кто вы? – спросила я, поднимая взгляд.

– Твой парень ненавидит меня за то, что я его отец, – сказал он, и в голосе проскользнула горечь. – Он думает, что я холодный, расчетливый, что я предал его мать, когда она умерла, что я выбрал бизнес вместо семьи. И, может быть, он прав. Может быть, я действительно стал тем, кого все ненавидят.

– А кто вы на самом деле? – повторила я.

Он посмотрел на меня, и в его глазах было что-то, что заставило меня затаить дыхание.

– Не знаю, – сказал он честно. – Но с тобой... с тобой я хочу быть кем-то другим.

– Кем?

– Тем, кто может предложить девушке не просто ужин в ресторане, а... – он замолчал, и его рука накрыла мою. Легко, почти невесомо. Я могла убрать ладонь. Должна была убрать.

Я не убрала.

– А что вы можете предложить? – спросила я, и голос прозвучал хрипло, почти интимно.

Он наклонился ближе, и я чувствовала его дыхание, пахнущее вином и чем-то неуловимо мужским.

– Не знаю, – повторил он. – Но я хочу это выяснить.

Я смотрела в его глаза – серебряные в полумраке ресторана – и понимала, что стою на краю. Еще один шаг, и я упаду. И обратной дороги не будет.

– Александр, – сказала я, и это был первый раз, когда я назвала его по имени, не «мистер Кастрл», не «вы». – Это неправильно.

– Знаю, – ответил он, и его пальцы сжали мои чуть сильнее.

– Лиам...

– Не сейчас, – перебил он, и в голосе появилась сталь, которая делала его таким, какой он есть. – Сейчас только ты и я. И этот вечер. Остальное... подождет.

Я должна была встать. Должна была сказать, что это ошибка, что мы не должны, что он отец моего парня, что это аморально, неправильно, разрушительно.

Я не сказала.

Я просто сидела, чувствуя тепло его руки, и смотрела на человека, который за две недели стал для меня чем-то большим, чем просто «отец Лиама». Человеком, который видел меня. Настоящую. Не ту, что носит дырявые джинсы и читает дурацкие рукописи. А ту, что боится, ждет, сомневается.

Ту, которая, возможно, уже сделала свой выбор, даже не признаваясь в этом себе.

– За это, – сказал он, поднимая бокал, – за вечера, которые мы не должны были проводить вместе.

– За опасные игры, – ответила я, поднимая свой.

Он усмехнулся, и эта усмешка была полна обещаний, которые не стоило давать.

– За опасные игры, – повторил он.

Мы выпили. Вино было терпким, как первый поцелуй, который еще не случился, но уже висел в воздухе.

Остаток вечера прошел в разговорах, которые я запомню навсегда. О книгах, о музыке, о том, как он строил свой первый клуб и как я провалила собеседование в крупное издательство, потому что нахамила редактору. Он смеялся – по-настоящему, громко, запрокидывая голову, и я смотрела на него и думала: *Как я могла думать, что Лиам – это максимум, на что я способна?*

В машине, когда он вез меня домой, я сидела, глядя в окно на огни ночного Портленда, и чувствовала себя так, будто только что проснулась после долгого сна.

– Спасибо, – сказала я, когда мы въехали в ворота его дома. – За вечер.

– Не за что, – ответил он, глуша двигатель.

Мы сидели в тишине, и я знала, что должна выйти из машины. Должна подняться в комнату, где, возможно, уже спит Лиам (или не спит, или его вообще нет), и сделать вид, что ничего не случилось.

Но я не двигалась.

– Эмм, – сказал Александр, и его голос был низким, почти

шепотом. – Если ты войдешь сейчас в этот дом...

– Что?

– Если ты войдешь, я не знаю, смогу ли я делать вид, что между нами ничего нет, – сказал он, и в его голосе была такая честность, что у меня перехватило дыхание.

Я повернулась к нему. В темноте салона его лицо было в тени, но я чувствовала его взгляд.

– А если я не войду? – спросила я.

Он молчал долго. Очень долго. А потом его рука легла на мою щеку, и я выдохнула, потому что это прикосновение было мягче, чем я могла представить.

– Тогда это будет начало того, что мы не сможем остановить, – сказал он.

Я закрыла глаза, чувствуя тепло его ладони.

– А если я хочу, чтобы это началось?

Он не ответил. Он просто наклонился, и его губы оказались в миллиметре от моих.

– Подумай, – прошептал он. – Завтра. Не сейчас. Не на эмоциях.

– А если завтра я скажу «да»?

– Тогда, – он убрал руку, и я почувствовала, как холод обжигает щеку, – завтра мы будем говорить об этом. А сейчас иди спать.

Я вышла из машины на ватных ногах. Поднялась в дом, прошла мимо темной гостиной, поднялась по лестнице. В на-

шей комнате горел свет. Лиам спал, свернувшись калачиком, пахнувший чужим парфюмом и сигаретами.

Я легла рядом, глядя в потолок, и понимала: что-то кончилось сегодня. И что-то началось.

Я только не знала, радоваться мне этому или бояться.

Глава четвертая.

Утро после. Знаете это чувство, когда просыпаешься и первые несколько секунд не помнишь, что произошло вчера? А потом воспоминания обрушиваются лавиной, и ты лежишь с открытыми глазами, понимая, что мир под тобой сместился на несколько градусов, и ты уже никогда не встанешь на ту же плоскость, что и раньше.

Я лежала, смотрела в потолок и прокручивала в голове каждую секунду вчерашнего вечера. Его рука на моей щеке. Губы в миллиметре от моих. Его голос: *«Подумай. Завтра»*.

Рядом сопел Лиам. Он пришел неизвестно когда, пахнувший чужим парфюмом. Я не стала его будить. Не стала спрашивать, где он был. Не потому что мне было все равно, а потому что боялась услышать ответ. Боялась, что он скажет правду. Или – что еще хуже – снова соврет.

Я любила его. Я цеплялась за это чувство, как утопающий за соломинку, хотя где-то глубоко внутри понимала: соломинка уже не спасет. Она просто не дает утонуть окончательно.

Встала я раньше всех. Привычка, выработанная годами жизни в съемных квартирах с тонкими стенами и соседями, которые начинали сверлить в семь утра. Спустилась на кухню, поставила кофеварку и прислонилась к стойке, чувствуя, как утренний холод пробирается сквозь халат.

Кофеварка зашипела, выпуская ароматный пар. Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Кофе – это единственное, что остается неизменным, когда все остальное рушится. Кофе и ирония. Ирония, кстати, сегодня бастовала.

– Доброе утро.

Я вздрогнула и открыла глаза.

Александр стоял в дверях кухни. На нем была простая белая футболка и спортивные штаны – видимо, только что с утренней пробежки или тренировки. Волосы влажные, на лбу – легкая испарина. Он выглядел так, будто ему двадцать пять, а не под пятьдесят, и это было чертовски несправедливо.

– Доброе, – ответила я, чувствуя, как к щекам приливает кровь. – Кофе будет через минуту.

– Отлично, – он прошел на кухню и встал рядом со мной у стойки. Достаточно близко, чтобы я чувствовала запах его парфюма, смешанный с запахом чистого мужского тела после тренировки.

Я сделала шаг в сторону. Неосознанно. Или осознанно? Я уже не могла разобрать, где заканчиваются мои инстинкты и начинается паника.

Он заметил. Конечно, заметил. Этот человек замечал всё.

– Ты в порядке? – спросил он, и в голосе не было ничего, кроме искренней заботы.

– В полном, – соврала я, поворачиваясь к кофеварке, чтобы не смотреть на него. – Просто не выспалась.

Кофеварка щелкнула, сигнализируя о готовности. Я взялась за ручку кофейника, но он оказался быстрее.

– Позволь мне, – сказал он, и его пальцы накрыли мои на ручке.

На секунду. На одну долбаную секунду, которая растянулась в вечность.

Его ладонь была горячей, пальцы – сильными, и это прикосновение было таким естественным, таким правильным, что я забыла, как дышать. А потом он убрал руку, взял кофейник и начал разливать кофе по кружкам, как будто ничего не произошло.

– С корицей? – спросил он, не глядя на меня.

– Да, – выдавила я, чувствуя, как дрожат пальцы.

Он насыпал корицу в одну кружку, протянул ее мне. Я взяла. Наши пальцы снова соприкоснулись, и я почувствовала, как по позвоночнику пробежала электрическая волна.

– Эмм, – начал он тихо.

Но договорить ему не дали.

– Какого хрена здесь происходит?

Голос Лиамы ударил по кухне, как выстрел. Я обернулась. Он стоял в дверях – в одних спортивных штанах, с опухшим лицом, взъерошенными волосами и глазами, в которых плескалось что-то темное и опасное.

– Доброе утро, Лиам, – спокойно сказал Александр, делая глоток кофе. – Выспался?

– Не смей, – Лиам шагнул вперед, и я увидела, как напряг-

лись его плечи. – Не смей разыгрывать из себя заботливого папочку после того, как я видел, что ты тут вытворяешь.

– Что я вытворяю? – Александр поставил кружку на стойку и скрестил руки на груди. Спокойный. Холодный. Как удав перед броском.

– Ты трогаешь ее! – голос Лиам сорвался на фальцет. – Я видел! Ты схватил ее за руку!

– Я протянул ей кофе, – голос Александра не повысился ни на децибел. – Лиам, тебе кажется.

– Мне не кажется! – Лиам ударил ладонью по стойке, и кружки подпрыгнули. – Я вижу, как ты на нее смотришь! С того самого дня, как мы въехали! Ты пялишься на нее, как голодный пес на кусок мяса!

– Лиам! – я шагнула между ними, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. – Ты что, с ума сошел? Ничего не было!

– А что будет? – он посмотрел на меня, и в его глазах была такая боль, такая ярость, что я отшатнулась. – Ты уже переспала с ним? Да? Он уже успел залезть тебе в трусы?

– Что? – я не верила своим ушам. – Лиам, ты...

– Я вижу, как он смотрит на тебя! – закричал он, и его лицо исказилось гримасой ненависти. – Каждое утро, каждый вечер! Он раздевает тебя глазами, а ты строишь из себя невинную овечку!

– Лиам, прекрати, – голос Александра стал жестче, в нем появились металлические ноты. – Ты говоришь ерунду.

– Заткнись! – Лиам повернулся к отцу, и я увидела, как вздулись вены на его шее. – Ты всегда хотел всё, что принадлежит мне! Сначала мама! Ты забрал ее у меня! Ты даже на похороны не пришел, потому что тебе был важнее идиотский бизнес! А теперь ты хочешь забрать Энн!

– Лиам, – Александр сделал шаг вперед, и я почувствовала, как воздух в кухне сгустился. – Твоя мать умерла от рака. Я не забирал ее. А Энн – это не вещь, которую можно «забрать». Она человек. И она с тобой. Пока ты не разрушил это своими руками.

– Это ты разрушаешь! – Лиам засмеялся, и смех был истерическим, надломленным. – Ты всегда разрушаешь всё, к чему прикасаешься! Ты разрушил нашу семью, ты разрушил меня, а теперь ты разрушаешь мои отношения!

Я стояла между ними, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Я смотрела на Лиаму – на его покрасневшие глаза, на дрожащие руки, на сумасшедший блеск в зрачках – и не узнавала его. Это был не тот парень, которого я любила и который смеялся так заразительно, что я забывала о всех проблемах.

Передо мной стоял чужой человек. Одержимый, злой, потерянный.

– Лиам, – я протянула к нему руку, пытаясь достучаться. – Пожалуйста, успокойся. Ничего не было. Я не изменяла тебе. Я люблю тебя.

Он посмотрел на мою руку, и в его глазах мелькнуло что-

то – сомнение? стыд? – но это длилось лишь секунду. Потом он перевел взгляд на Александра, который стоял, упершись руками в кухонную стойку, с каменным лицом и играющими желваками. Два зверя, готовые разорвать друг друга.

– Любишь? – переспросил Лиам, и его голос стал тихим, почти шепотом. – Если бы ты любила, ты бы не смотрела на него так.

– Как?

– Как на мужчину, – выплюнул он. – А не как на отца моего.

Слова повисли в воздухе, тяжелые, как свинец.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, чтобы защититься, чтобы объяснить, но Лиам уже развернулся и вышел из кухни. Я слышала, как он грохочет по лестнице, как открываются дверь нашей спальни, как что-то падает на пол – видимо, сумка.

Я смотрела на Александра. Он не двигался, не смотрел на меня. Только желваки играли на скулах, выдавая, чего ему стоит это спокойствие.

– Я... – начала я.

– Не надо, – перебил он, и его голос был глухим. – Ничего не говори.

Через несколько минут Лиам спустился. С сумкой через плечо, в кожаной куртке, которую я когда-то считала символом его бунтарской романтики. Теперь она выглядела просто поношенной.

– Лиам, – я шагнула к нему. – Куда ты?

– Уезжаю, – он даже не посмотрел на меня. Смотрел только на отца. – Оставайся здесь. Если тебе так нравится... – он запнулся, и его лицо исказилось такой гримасой, что у меня внутри всё оборвалось. – Если тебе нравится член папочки.

– Лиам! – я не поверила своим ушам.

– Ты просто сука, Энн, – сказал он, и эти слова прозвучали так спокойно, так буднично, как будто он говорил о погоде. – Сука, которая променяла меня на деньги и красивую морду.

Он развернулся и вышел за дверь. Я стояла в коридоре, глядя, как он садится в свой Subaru. Двигатель завелся с пол-оборота. Машина вылетела со двора, визжа шинами на гравии.

Я стояла и смотрела на закрытую дверь, чувствуя, как внутри что-то обрывается. Не с треском, не с грохотом. Тихо. Как струна, которая лопается, когда натяжение становится невыносимым.

– Энн.

Голос Александра заставил меня обернуться. Он стоял в проходе из кухни, и в его глазах было что-то, от чего мне захотелось закричать. Нежность. Сострадание. И что-то еще – темное, голодное, что он пытался спрятать, но у него плохо получалось.

Он сделал шаг ко мне. Один шаг.

Я отступила.

– Не надо, – сказала я, чувствуя, как слезы душат горло.

– Пожалуйста, не надо.

– Эмм...

– Я не изменяла ему! – выкрикнула я, и голос сорвался. – Я ничего не делала! Я просто взяла у вас кофе! Я не хотела...

Я не договорила. Развернулась и побежала наверх, захлопнула дверь спальни, прислонилась к ней спиной и сползла на пол.

Слезы текли сами, и я не могла их остановить. Я плакала от обиды, от унижения, от того, что человек, которого я любила, назвал меня сукой. От того, что я ничего не сделала, но чувствовала себя виноватой. От того, что где-то внутри, в самой глубокой и темной части души, я знала: Лиам прав.

Я смотрела на Александра как на мужчину. Не как на отца своего парня. Как на мужчину, от одного прикосновения которого у меня подкашивались колени.

Я любила Лиаму. Я действительно любила. Но я не могла контролировать то, что чувствовала, когда Александр смотрел на меня. Когда он касался моей руки. Когда он говорил: *«Ты заслуживаешь большего»*.

Я сидела на полу, обхватив колени руками, и плакала, пока не закончились слезы. А потом просто сидела, глядя в одну точку, и думала.

О том, как мы докатились до этого. О том, когда Лиам превратился из романтика в параноика, который видит врагов в каждом углу. О том, почему я не остановилась раньше, почему позволила Александру подойти так близко.

И о том, что теперь делать.

Время тянулось медленно. Я не выходила из комнаты. Слышала, как Александр ходит вниз, как открывается входная дверь, как заводится Mercedes. Он уехал. Наверное, решил, что мне нужно побыть одной.

К вечеру я взяла себя в руки. Умылась, переоделась в джинсы и свитер – ту самую униформу бедности, в которой чувствовала себя в своей тарелке. Посмотрела в зеркало. Глаза красные, лицо опухшее. Идеально.

Я взяла телефон и набрала номер.

– Томми? Это Энн. Ты видел сегодня Лиам?

Томми был одним из «ребят» – другом, с которым Лиам проводил вечера в барах. Я не особо его любила – слишком громкий, слишком поверхностный, – но сейчас он был единственной зацепкой.

– Энн! – голос Томми звучал весело, на фоне слышалась музыка. – Лиам? Ага, он с нами. Мы тут в «Ривервью», у Джейка мальчишник, представляешь? Джейк женится, я тебе говорил? Такой отрыв будет!

У меня внутри всё оборвалось.

– Мальчишник, – повторила я. – Лиам на мальчишнике.

– Ага, он приехал час назад, такой взвинченный, говорит, поссорился с тобой. Ты не переживай, мы его развлечем! Столик уже заказали, девчонки подъехали...

Я не стала дослушивать. Нажала отбой.

Девчонки. Конечно, девчонки. Стриптизерши, танцовщицы, или просто «девчонки», которые приходят на мальчишники, чтобы пить за чужой счет и делать вид, что им интересны пьяные мужики.

А я сидела здесь, плакала, чувствовала себя виноватой, а он...

Я встала. Решение пришло мгновенно, как вспышка. Я надела куртку, сунула телефон в карман, взяла кошелек. Вызвала такси через приложение.

Спускаясь по лестнице, я услышала, как открывается входная дверь. Александр вернулся. Мы столкнулись в коридоре, и я увидела, как его взгляд мгновенно оценил мою одежду, мои решительно сжатые губы.

– Ты куда-то собралась? – спросил он, и в голосе появилось беспокойство.

– Выхожу, – ответила я, проходя мимо.

– Эмм, – он остановил меня, коснувшись плеча. Я дернулась, как от удара током, и отступила на шаг.

– Не трогайте меня, – сказала я, и мой голос прозвучал жестче, чем я планировала.

– Я просто хочу поговорить, – он убрал руку, но не отошел. – Нам нужно поговорить о том, что произошло.

– Ничего не произошло, – я посмотрела ему в глаза. – Вы слышали? Ни-че-го. Лиам накрутил себя, накрутил меня, и теперь я еду разбираться с ним.

– Куда?

– В клуб, – я не стала врать. – На мальчишник. Он там, с друзьями. И с девчонками, судя по всему.

Лицо Александра потемнело.

– Энн, не надо. Позволь мне...

– Позволить вам что? – я усмехнулась, и в этой усмешке было столько горечи, что она обожгла мне горло. – Позволить вам сделать так, чтобы всё стало еще хуже? Вы уже сделали достаточно. Вы встали между нами. Вы... – я замолчала, потому что слова застревали в горле.

– Я не вставал, – сказал он тихо.

– Вы смотрели на меня, – выдохнула я. – Вы касались меня. Вы сказали, что я опасная. Вы... вы сделали так, что он прав.

– Он не прав, – голос Александра стал тверже. – Энн, ты не сделала ничего плохого.

– Я хотела сделать, – эти слова вырвались из меня, как крик. Я сама не ожидала их. Мы смотрели друг на друга, и в глазах Александра разгоралось что-то, от чего мне захотелось провалиться сквозь землю.

– Хотела? – переспросил он, и его голос сел.

– Не важно, – я отвернулась. – Я еду к нему. Я люблю его. Я не хочу терять то, что у нас было.

– То, что у вас было, – сказал Александр, и в его голосе была такая боль, что я замерла, – уже потеряно, Энн. Ты это знаешь.

– Не вам судить, – я толкнула дверь и вышла на крыльцо.

Такси уже ждало у ворот. Я села на заднее сиденье, назвала адрес клуба и уставилась в окно. Александр стоял на крыльце, смотрел мне вслед, и даже сквозь тонированное стекло я чувствовала его взгляд.

Водитель что-то спросил, но я не слышала. Я сжимала телефон в руке и думала о том, что еду спасать то, что, возможно, уже не спасти.

Но я должна была попытаться.

Потому что если я не попытаюсь, если я позволю этому закончиться вот так – через грязь, крики и подозрения – тогда Лиам будет прав. Тогда я действительно буду той, кто променял любовь на мимолетное влечение к мужчине, который смотрел на меня так, как никто не смотрел.

Я не хотела быть той сукой. Я хотела быть той, кто борется.

Даже если борьба уже проиграна.

Глава пятая.

Клуб «Ривервью» встретил меня басами, которые били прямо в грудную клетку, и запахом дешевого парфюма, смешанного с потом и алкоголем. Место, где взрослые люди платят бешеные деньги за то, чтобы притворяться, что им всё еще двадцать, и что жизнь – это вечная вечеринка.

Я ненавидела такие места. Всегда ненавидела. Но именно здесь Лиам предпочитал исчезать по ночам, оставляя меня одну в тишине его отцовского дома.

Ирония, да? Он бежал от тишины, а я мечтала о ней.

Танцпол был забит. Тела двигались в такт музыке, руки тянулись к чужим бедрам, губы шептали то, что никто не запомнит утром. Я пробиравлась сквозь толпу, чувствуя на себе липкие взгляды, но мне было плевать. Я шла к бару, потому что если идти к Лиаму, нужно быть готовой к тому, что я там увижу.

А я знала, что увижу что-то. Иначе зачем он сбежал на мальчишник через пару часов после того, как назвал меня сукой?

Бармен, молодой парень с татуировкой на шее, посмотрел на меня с пониманием. Наверное, у него был хороший глаз на людей, которые пришли не веселиться, а спасти то, что уже сгорело.

– Текилы, – сказала я, перекрикивая музыку. – Две.

Он поставил передо мной две рюмки, дольку лайма, соль. Я макнула палец в соль, лизнула, выпила первую. Огонь прошелся по горлу, обжег пищевод, ударил в голову. Вторая пошла легче. Я закинула лайм в рот, прожевала горькую кислую мякоть и замерла, глядя на свое отражение в зеркале за барной стойкой.

На меня смотрела чужая женщина. С распухшими глазами, растекшейся тушью, сжатыми в тонкую линию губами. Женщина, которая влюбилась в призрака, а теперь едет спасать отношения с человеком, который, возможно, никогда не был тем, кого она себе придумала.

Если я не помирюсь с ним сегодня, – думала я, крутя в пальцах пустую рюмку, – нужно срочно искать квартиру. Завтра. Нет, сегодня. И съезжать от Александра. Прямо сейчас, если потребуется.

Мысль об Александре обожгла меня, как текила. Я не могла оставаться в его доме после всего, что произошло. Не после того, как Лиам обвинил нас в том, чего не было. Не после того, как я сама поняла, что хочу того, чего не должна хотеть.

Если я останусь, это разрушит меня. Разрушит всё.

Но если мы помиримся, – продолжала я выстраивать логическую цепочку, чувствуя, как алкоголь разливается по венам теплом, – всё равно нужно переезжать. Сказать ему прямо: "Лиам, мы уезжаем. Я снимаю квартиру, хоть в трущобах, но мы уезжаем. Иначе наши отношения не выживут".

Я усмехнулась собственной наивности. Какие отношения? Те, где он пропадает по ночам, а я жду его дома? Те, где он называет меня сукой за то, что кто-то протянул мне кофе?

– Еще две, – сказала я бармену.

Он поднял бровь, но налил. Я выпила третью, зажмурившись. Четвертая пошла как вода. Теперь я была в том идеальном состоянии, когда голова ясная, а тело становится чужим и послушным, как марионетка. Боль ушла на задний план, спряталась за химическим теплом.

Я расплатилась, оставила щедрые чаевые – почему бы и нет, это же не мои деньги, а те, что Лиам пересылал с пометкой "на продукты", – и пошла искать приватные комнаты.

Охранник у входа в зону VIP посмотрел на меня с сомнением. Я посмотрела на него с вызовом.

– Я ищу Лиама Кастла, – сказала я, – Энн. Его девушка.

Он хмыкнул, но пропустил. Видимо, имя Кастла здесь что-то значило. Или он просто увидел в моих глазах то, что заставило его не спорить.

Коридор был длинным, полутемным, с мягкими стенами и тяжелыми дверями, за которыми угадывалась чужая жизнь. Я шла, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Первая дверь – за ней смех, женский визг, звон бокалов. Не Лиам.

Вторая – тишина. Слишком подозрительная тишина. Я приоткрыла дверь, увидела пустую комнату с диванами и столом, уставленным бутылками. Никого.

Третья – мужские голоса, разговор о машинах, запах си-

гар. Я заглянула – незнакомые лица, лет по сорок, с деньгами и пустыми глазами. Меня заметили, кто-то крикнул: "Малышка, ты ошиблась дверью". Я захлопнула створку и пошла дальше.

Четвертая дверь была приоткрыта. Изнутри доносилась музыка, тише, чем на танцполе, и знакомый голос – Томми, который что-то рассказывал, перекрикивая басы.

Я толкнула дверь.

Комната была заставлена диванами, на столиках – горы бутылок, пустых и полных. Воздух спертый, пахнет алкоголем и потом. Несколько парней, которых я видела на фото в социальных сетях Лиама, развалились на кожаных диванах. Рядом с ними – девушки. Яркие, пластиковые, с накладными ресницами и безупречной укладкой.

Томми сидел в углу с какой-то блондинкой на коленях. Увидев меня, он дернулся так, что девушка чуть не свалилась на пол.

– Энн! – его голос прозвучал фальшиво-бодро. – Ты приехала! А мы тут...

– Где Лиам? – перебила я, не собираясь играть в светские беседы.

Томми замялся. Перевел взгляд на парней, те отвели глаза. Кто-то кашлянул, кто-то уставился в телефон.

– Он... ну, он вышел, – выдавил Томми. – Сказал, ему нужно отойти.

– Куда?

– Энн, слушай, может, тебе не стоит...

– Томми, – мой голос стал тихим, но в нем было столько стали, что он сжался. – Куда он ушел?

Томми вздохнул, как человек, который понимает, что сейчас произойдет что-то ужасное, но ничего не может с этим поделать.

– В пятую. В конце коридора. Сказал, ему нужно... отвлечься.

Я знала, что увижу там. Знала еще до того, как мои ноги понесли меня по коридору. Знала, когда в голове включился белый шум, заглушающий музыку, заглушающий мысли, заглушающий всё, кроме одного: *ты же знала. Ты всегда знала.*

Я пыталась отрицать. Пыталась убедить себя, что он просто пьет, просто разговаривает, просто отдыхает. Что он не стал бы. Что он любит меня.

Но белый шум становился громче, и вместе с ним росла уверенность: *он изменял тебе. Всегда. С самого начала.*

Дверь пятой комнаты была не заперта, просто прикрыта. Я взялась за ручку, и моя рука не дрожала. Странно. Должна была дрожать. Но текила сделала свое дело, и я была спокойна, как перед прыжком в пропасть.

Я открыла дверь.

Комната была оформлена в восточном стиле – низкий столик, диваны с подушками, матрасы на полу. Мягкий свет,

приглушенная музыка. Атмосфера, созданная для одного.

Лиам лежал на матрасе, откинувшись на подушки. Его куртка валялась на полу, футболка задралась, открывая живот. Глаза закрыты, голова запрокинута.

У его ног сидела девушка.

Молодая, может быть, двадцать, может быть, меньше. Светлые волосы собраны в хвост. Топ снят и брошен рядом – ее грудь была обнажена. Ее голова находилась у его паха, и я видела, как она двигается, как ее губы сжимаются вокруг его члена, как его пальцы сжимаются в ее волосах.

Время остановилось.

Я смотрела на эту картину, и мой мозг отказывался ее обрабатывать. Слишком много деталей. Слишком много правды. Девушка на коленях. Лиам, который даже не смотрит на нее, просто лежит с закрытыми глазами, получая удовольствие. Его рука в ее волосах. Та самая рука, которая когда-то гладила мои волосы.

Я зажала рот рукой, но крик все равно вырвался. Короткий, придушенный, похожий на всхлип.

Лиам открыл глаза.

Увидел меня.

И в его взгляде мелькнуло что-то – страх? стыд? – но только на секунду. А потом он оттолкнул девушку так резко, что она упала на подушки, и вскочил, торопливо застегивая джинсы.

– Энн! – его голос был хриплым, сорванным. – Энн, это

не то, что ты думаешь!

Я смотрела на него. На девушку, которая сидела на матрасе с испуганными глазами, прикрывая грудь руками. На бутылки, на разбросанную одежду. На него – с расстегнутой ширинкой, со следами чужой помады на шее.

– Не то, что я думаю? – переспросила я, и мой голос звучал удивительно спокойно. – Лиам, у твоей подруги сиськи наружу, а ты только что кончил ей в рот. Что именно я должна думать?

– Я... я пьян, – он сделал шаг ко мне, протягивая руки. – Энн, я просто... я был зол, я накрутил себя, я...

– Ты трахал ее? – спросила я, не двигаясь с места.

– Что? Нет! Энн, это просто...

– Просто минет? – я усмехнулась, и усмешка вышла горькой. – Просто минет в приватной комнате, пока твоя девушка ищет тебя по всему клубу. Просто минет, после того как ты обвинил меня в том, что я сплю с твоим отцом. Просто минет, Лиам. Всего лишь.

– Это ничего не значит! – он шагнул ближе, и я увидела, что его глаза красные. От алкоголя, от бессонницы, от всего того, чем он заливал свою пустоту. – Энн, я люблю тебя, это просто секс, это ничего не значит!

– А она? – я кивнула на девушку, которая натягивала топ дрожащими руками. – Она тоже ничего не значит? И те, кто были до нее? И те, с кем ты пропадал все эти ночи? Они все ничего не значат?

Лиам замер.

– Ты думал, я не догадывалась? – я смотрела на него, и где-то внутри, в той части, которая еще не омертвела от боли, я оплакивала парня с гитарой. – Ты пропадал каждую ночь, возвращался с чужим запахом, врал мне, смотрел в глаза и врал. А потом ты нашел идеальный повод, да? Ты увидел, как твой отец протянул мне кофе, и решил, что это твой шанс. Твой шанс сделать меня виноватой. Твой шанс уйти с чистой совестью.

– Нет, – он покачал головой, и в его глазах появилось что-то похожее на панику. – Энн, нет, это не так.

– Ты назвал меня сукой, – напомнила я. – Сукой, которая променяла тебя на деньги и красивую морду. Ты сказал это, зная, что я ничего не делала. Зная, что я люблю тебя. Зная, что я жду тебя каждую ночь. Ты сказал это, чтобы оправдать себя.

– Энн...

– Ты хотел, чтобы я была виновата, – я чувствовала, как слезы текут по щекам, но голос оставался ровным. – Чтобы я чувствовала себя дерьмом. Чтобы, когда я узнаю про измену – а я бы узнала, рано или поздно, – ты мог сказать: "А ты сама? Ты смотрела на моего отца, ты хотела его". Ты хотел сделать нас равными. Но мы не равны, Лиам.

– Пожалуйста, – он упал на колени, и это было так жалко, так нелепо, так по-детски, что я чуть не засмеялась. – Пожалуйста, давай поговорим. Дай мне шанс.

– Ты дал себе шанс, – сказала я. – Каждый раз, когда уходил из дома. Ты дал себе сотню шансов. И ты выбрал это.

Я развернулась и вышла.

Он кричал что-то вслед, я слышала, как он бежит за мной, но я не оборачивалась. Я шла по коридору, потом по танц-полу, потом к выходу, и на каждом шагу белый шум в голове становился громче, а потом он превратился в смех.

Я смеялась.

Истерично, вздохнув, чувствуя, как слезы текут по щекам, а в груди разрывается что-то такое большое и важное, что казалось – я сейчас умру. Люди оглядывались, кто-то шаркался, кто-то улыбался, принимая меня за пьяную дуру, которая веселится.

Я вылетела на улицу, в холодный ночной воздух, и смех перешел в кашель, а кашель – в рыдания. Я прислонилась к стене, согнулась пополам и плакала так, как не плакала никогда. Плакала по парню, которого похоронила заживо. По себе, которая верила.

Я вызвала такси. Пальцы дрожали, я трижды промахивалась мимо кнопки вызова, но в итоге приложение подтвердило заказ.

Машина приехала через десять минут. Я села на заднее сиденье, назвала адрес дома Александра, и водитель – пожилой мужчина с добрыми глазами – спросил:

– Всё в порядке, мисс?

– В полном, – ответила я, вытирая слезы рукавом. – Абсолютно.

Он не поверил, но промолчал.

Дорога назад была долгой. Я смотрела в окно на огни ночного Портленда, и думала о том, что теперь. Теперь нет причин оставаться в доме Александра. Нет причин бежать от него.

Страх, который держал меня все эти недели, растворился в текиле и слезах. Осталась только пустота. И в этой пустоте, как маяк в тумане, горело одно: *он ждет. Он там. Он смотрел на меня так, как Лиам никогда не смотрел.*

Такси остановилось у ворот. Я вышла, не чувствуя ног. Дождь моросил, мелкий и противный, он смешивался с тушью на моих щеках, стекал по волосам, забирался за воротник куртки. Я не чувствовала холода. Я вообще ничего не чувствовала, кроме одной точки в центре груди, где пульсировала пустота.

Дверь в дом была не заперта. Я вошла, ступая по идеальному паркету мокрыми кроссовками, оставляя грязные следы. Мне было плевать.

Из гостиной в коридор вышел Александр.

На нем была та же белая футболка, что и утром, но теперь она была мятая, а в его глазах – тревога. Он смотрел на меня, и я видела, как он сканирует каждую деталь: мокрые волосы, растекшаяся тушь, красные глаза, дрожащие руки. Лицо, наверное, белое, как полотно.

– Энн, – его голос был тихим, но в нем слышалось напряжение. – Что случилось? Где ты была? Ты...

Я не дала ему договорить.

Я сделала шаг, потом другой, потом разбежалась и прыгнула. Мои руки обвились его шею, ноги – талию, и он поймал меня, конечно, поймал, потому что он всегда был там, где нужно, всегда сильный, всегда надежный. Его руки сомкнулись на моей спине, прижимая к себе, и я почувствовала тепло его тела сквозь мокрую одежду.

А потом я поцеловала его.

Это не был нежный первый поцелуй из романтических фильмов. Это был голод, боль, отчаяние и облегчение, смешанные в одном безумном порыве. Я впилась в его губы, чувствуя, как он на секунду замирает, а потом отвечает – осторожно, сдерживаясь, как будто боялся меня сломать.

Я прикусила его нижнюю губу. Сильнее, чем планировала. Во рту появился вкус крови – металлический, терпкий. Я слизнула ее, чувствуя, как это прикосновение заставляет его пальцы впиться в мою спину.

– Энн, – он оторвался от моих губ, тяжело дыша, и в его голосе было что-то, что заставило мое сердце пропустить удар. – Что происходит? Что случилось?

– Он изменял мне, – выдохнула я, глядя ему в глаза. – Все это время. Сегодня я нашла его с другой. В клубе.

В его взгляде промелькнуло что-то темное, опасное. Я видела, как сжались его челюсти, как напряглись мышцы плеч.

– Я убью его, – сказал он, и это не было пустой угрозой. В его голосе звучала такая холодная решимость, что я на секунду испугалась за Лиама.

– Не надо, – я прижалась лбом к его лбу, чувствуя, как наши дыхания смешиваются. – Не надо. Он не стоит того.

– Энн, – его руки гладили мою спину, успокаивающе, но в их движении было что-то еще. Что-то, что заставляло мое тело плавиться. – Ты пьяна.

– Немного, – призналась я. – Но я знаю, что делаю.

– Знаешь? – он посмотрел на меня, и в его глазах боролись желание и сомнение. – Ты уверена? Потому что если ты сейчас оттолкнешь меня завтра, я не знаю, смогу ли...

Я закрыла ему рот поцелуем. На этот раз медленнее, глубже. Я провела языком по его губам, снова пробуя кровь, чувствуя, как он дрожит под моими руками.

– Я не оттолкну, – прошептала я. – Я устала отталкивать. Я устала ждать. Я устала быть хорошей девочкой, которая ничего не хочет.

– Ты знаешь, что это значит? – спросил он, и его голос был низким, хриплым, таким, от которого у меня внутри все переворачивалось. – Если мы переступим эту черту, назад дороги не будет.

– Я не хочу назад, – сказала я. – Я хочу вперед.

Он смотрел на меня секунду, другую, а потом его лицо изменилось. Маска спокойствия упала, и я увидела то, что он прятал всё это время. Голод. Желание. Что-то первобытное

и неконтролируемое.

– Ты уверена? – спросил он в последний раз.

– Более чем, – ответила я, и это была правда.

Он подхватил меня под бедра, я обвила его ногами, и он понес меня наверх.

Глава шестая.

Он нёс меня вверх по лестнице, и каждый его шаг отдавался во мне глухим ритмом, вторившим биению сердца. Мои руки были в его волосах, губы – на его шее, я целовала солёную кожу, чувствуя, как бьётся пульс под моими губами. Он пах дождём и деревом, и чем-то ещё – глубоким, мужским, от чего у меня кружилась голова сильнее, чем от всей выпитой текилы.

– Какая же ты мокрая, – прорычал он, толкая плечом дверь своей спальни. – Вся.

– Дождь, – выдохнула я в его губы.

– Не только дождь, – ответил он, и в голосе было столько хриплой уверенности, что у меня внутри всё сжалось.

Дверь за нами закрылась, отрезая остальной мир. Здесь, в его комнате, было темно и тихо, только дождь барабанил в панорамное окно, да наше дыхание заполняло пространство. Я чувствовала запах его постельного белья – свежий, с ноткой лаванды, – и этот контраст с тем, что должно было произойти, заставлял мои пальцы впиваться в его плечи сильнее.

Он опустил меня на кровать, но не сразу. Сначала прижал к себе, давая почувствовать, что я не упаду. Его руки скользнули под мою мокрую куртку, стягивая её с плеч. Я помогала, избавляясь от ткани, которая холодила кожу. Потом сви-

тер полетел на пол, и я осталась в одном лифчике, мокрая, дрожащая, но не от холода.

– Ты дрожишь, – заметил он, проводя пальцами по моим ключицам.

– Я хочу тебя, – ответила я, и это было так откровенно, что я сама удивилась своей смелости. Или текиле. Или тому, что внутри меня всё сгорело дотла, и осталось только это – желание чувствовать хоть что-то, кроме боли.

Он навис надо мной, опираясь на руки, и я видела, как в полумраке горят его глаза. В них было что-то хищное, сдерживаемое, но я не хотела, чтобы он сдерживался.

– Раздевайся, – сказала я, и это прозвучало как приказ.

Он усмехнулся, медленно стягивая футболку через голову. И я забыла, как дышать.

Я видела его раньше – в рубашках, в пиджаках, в спортивной одежде. Но сейчас, в тусклом свете, пробивающемся из окна, он был другим. Широкие плечи, рельефная грудь, твёрдый пресс, который невозможно накачать в спортзале без ежедневного труда. Вдоль торса тянулся старый шрам – бледная линия, которую я хотела проследить языком. Татуировки не было, только чистая, сильная плоть мужчины, который строил себя сам.

– Ты смотришь, – заметил он, и в его голосе скользнуло удовольствие.

– Любуюсь, – честно ответила я, проводя рукой по его животу, чувствуя, как под пальцами перекачиваются мышцы. –

Долго же ты прятал это под рубашками.

– Не прятал, – он накрыл мою руку своей, прижимая к своей груди, чтобы я чувствовала сердцебиение. – Ждал.

Я сжала пальцы, впиваясь ногтями в его кожу, и он зашипел, но не от боли. В его глазах вспыхнуло что-то тёмное, и в следующую секунду он опрокинул меня на спину, нависая сверху.

– Осторожнее, – прошептал он, скользя губами по моей шее, – я могу не остановиться.

– А я не хочу, чтобы ты останавливался, – выдохнула я, запрокидывая голову, подставляя шею.

Он кусал меня. Нежно сначала, потом сильнее, оставляя следы, которые будут гореть завтра. Я вцепилась в его плечи, чувствуя, как его язык спускается ниже, к ключицам, к ложбинке между грудями. Он стянул лифчик одним движением, и я даже не успела возмутиться, что вещь была дорогой.

– Плевать, – сказал он, будто прочитав мои мысли, и его рот накрыл мой сосок.

Я выгнулась дугой, вцепившись в его волосы. Он брал меня медленно, языком, зубами, всасывая так, что я чувствовала, как влага собирается между ног. Я не была девственницей, но с ним всё ощущалось иначе – острее, глубже, как будто каждое прикосновение было в первый раз.

– Александр, – выдохнула я, и это имя сорвалось с губ как молитва.

Он поднял голову, посмотрел на меня. Его лицо было на-

пряжённным, скулы заострились, дыхание участилось.

– Скажи мне, – потребовал он, и его голос был низким, почти грубым. – Скажи, что ты этого хочешь.

– Я хочу, – ответила я, глядя ему в глаза. – Я хочу тебя. Сильно. Грубо. Я хочу, чтобы ты взял меня так, чтобы я забыла своё имя.

Что-то щёлкнуло в его взгляде. Последний барьер рухнул.

– Ты получишь это, – прорычал он, стягивая с меня джинсы вместе с трусами одним рывком.

Я осталась обнажённой под ним, и на секунду меня кольнула неуверенность – я не была моделью, моё тело носило следы быстрой еды и отсутствия спорта. Но он смотрел на меня так, будто я была единственной женщиной на земле.

– Чёрт, – выдохнул он, проводя ладонью от моей груди вниз, по животу, к бедру. – Ты даже не представляешь, как долго я представлял тебя такой.

– Представлял? – переспросила я, чувствуя, как его пальцы скользят между моих ног.

– Каждую ночь, – признался он, и его пальцы вошли в меня – один, потом два, резко, без предупреждения. Я вскрикнула, вцепившись в простыни. – Каждую гребаную ночь я лежал здесь и думал о том, как ты будешь стонать подо мной.

– Так заставь меня, – прошептала я, и он усмехнулся – темно, опасно.

Его пальцы двигались внутри меня, находя точку, кото-

рая заставляла мои бёдра дрожать. Я уже была мокрой, настолько, что слышала каждый влажный звук его движений. Он давил большим пальцем на клитор, и я выгибалась, хватая ртом воздух.

– Ты уже близко, – констатировал он, и в его голосе было удовлетворение.

– Не... не останавливайся, – выдохнула я, чувствуя, как оргазм нарастает волной.

Он остановился.

Я застонала от разочарования, открыла глаза, готовая его убить. Он смотрел на меня сверху вниз, и его пальцы, блестящие от моей влаги, медленно облизал, не отводя взгляда.

– Ты кончишь, когда я скажу, – произнёс он, и это не было просьбой.

Я сглотнула. Во рту пересохло. Сердце колотилось где-то в горле, и каждая клетка моего тела кричала: *да, да, да, только не останавливайся.*

– Сними штаны, – приказала я, удивляясь собственной наглости. – Я хочу тебя видеть.

Он не заставил себя ждать. Встал с кровати, и я видела, как в тусклом свете напряжены мышцы его живота, как быстро вздымается грудь. Он расстегнул ремень, и звук металла прозвучал как выстрел. Джинсы упали на пол, и я увидела его – полностью.

Он был большим. Не просто большим – внушительным, таким, что у меня на секунду мелькнула мысль: *сможет ли?*

Но эта мысль утонула в желании, которое залило всё моё тело жаром.

– Нравится? – спросил он, заметив мой взгляд.

– Иди сюда, – ответила я, раздвигая ноги и приглашая его войти в меня.

Он опустился на кровать, нависая надо мной, и я чувствовала его член у своего входа – горячий, твёрдый, пульсирующий. Он не спешил, водил головкой по моим влажным складкам, дразня, заставляя меня выгибаться навстречу.

– Александр, – простонала я. – Пожалуйста.

– Пожалуйста – что? – его голос был низким, хриплым.

– Возьми меня. Сильно. Я хочу чувствовать тебя внутри.

Он вошёл резко, одним движением, на всю глубину, и я закричала – от наполнения, от боли, смешанной с удовольствием, от того, как он растягивал меня, заполнял собой. Он замер, давая мне привыкнуть, и я видела, как напряжены его плечи, как сжимаются челюсти.

– Слишком? – спросил он, и в голосе мелькнуло беспокойство.

– Слишком хорошо, – выдохнула я, обхватывая его ногами за талию, притягивая ближе. – Не останавливайся.

Он начал двигаться. Медленно сначала, глубоко, так, что я чувствовала каждый миллиметр его члена внутри себя. Он выходил почти полностью и снова входил, растягивая момент, заставляя меня вцепиться в его спину, оставляя царапины.

– Сильнее, – прошептала я в его плечо.

– Сильнее? – он усмехнулся, и его бёдра ускорились. – Ты уверена?

– Я сказала – сильнее.

Он перестал сдерживаться.

Его толчки стали жёсткими, быстрыми, безжалостными. Он вколачивался в меня, и каждый толчок отдавался во всём теле, сдвигая меня вверх по кровати. Я кричала, вцепившись в его плечи, чувствуя, как оргазм нарастает с каждой секундой.

– Ты чувствуешь, какая ты мокрая? – прорычал он, и его голос был низким, почти звериным. – Ты течёшь по мне.

– Да, – выдохнула я, не в силах сказать больше.

– Ты моя, – он схватил меня за волосы, оттягивая голову назад, обнажая шею. – Скажи это.

– Я твоя, – прошептала я, чувствуя, как его член попадает в самую глубину, в точку, от которой перед глазами вспыхивают искры.

– Громче.

– Я твоя! – закричала я, и оргазм накрыл меня с головой, разрывая на части, заставляя тело выгибаться, сжиматься вокруг него, пульсировать.

Он не остановился. Продолжал двигаться, жёстко, глубоко, прудлевая моё удовольствие, пока я не начала умолять его остановиться, потому что каждое прикосновение стало невыносимым.

– Теперь я, – сказал он, и его движения стали ещё быстрее, ещё жестче.

Я чувствовала, как он напрягается, как его дыхание сбивается, как мышцы под моими пальцами становятся каменными. Он кончил с глухим рыком, уткнувшись лицом в мою шею, и я чувствовала, как горячая влага заполняет меня, как его член пульсирует внутри.

Мы лежали, тяжело дыша, и я слышала, как бьётся его сердце – так же быстро, как моё. Он всё ещё был во мне, и это ощущение наполненности было таким правильным, таким нужным, что я не хотела, чтобы это заканчивалось.

– Ты в порядке? – спросил он, поднимая голову, и в его глазах я увидела беспокойство.

– Я в порядке, – ответила я, проводя пальцами по его щеке. – Более чем.

– Я был груб, – он коснулся губами моей шеи, где остались следы его зубов. – Прости.

– Не смей извиняться, – я посмотрела ему в глаза. – Это было то, что мне нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.